

УДК 343.233

**ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ЗАДАНИЮ:
СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ****С.В. СВИРСКИЙ***(Представлено: В.А. КУРЯКОВ)*

Изучен вопрос причин, предшествующих появлению в системе обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, такого нового института, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию. Рассматриваемый вопрос изложен в контексте становления правовой регламентации в Республики Беларусь оперативно-розыскной деятельности.

Становление на постсоветском пространстве новых независимых государств повлекло за собой коренные изменения в системе их законодательства. Не стала в этом плане исключением и отрасль белорусского уголовного права, которая была подвергнута существенным преобразованиям в период формирования национального права нашего государства. Свидетельством тому является появление нового Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года, который сменил наследие советского государства – Уголовный кодекс БССР 1960 года. Новый кодекс включил в себя множество изменений и дополнений в содержание ряда ключевых институтов уголовного права. Так, заметному расширению был подвергнут перечень обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, что в целом было характерно для многих постсоветских государств (Российская Федерация, Украина, Казахстан). Такое реформирование было, в первую очередь, направлено на обеспечение потребностей современного государства в правовом регулировании принципиально значимых направлений, входящих в систему борьбы с преступностью.

Таким новым институтом стали положения статьи 38 Уголовного кодекса, которыми на законодательном уровне было закреплено правовое основание освобождения лица от уголовной ответственности в случае совершения им преступления в условиях вынужденного соучастия при выполнении специального задания по выявлению или пресечению преступления. Прежний уголовный закон 1960 года, принятый ещё в советский период, не предусматривал такого института. Однако это совершенно не означало, что при проведении оперативными подразделениями (как правило, органами внутренних дел) сложных мероприятий по разоблачению преступной деятельности, прежде всего групп высокой степени криминальной организованности и сплоченности, не возникали ситуации, когда требовалась защита на уровне уголовного закона интересов лиц, вынужденно совершивших преступления при выполнении специальных заданий правоохранительных органов.

Очевидно, что прежде всего по идеологическим соображениям длительный период социалистическое государство не считало целесообразным на законодательном уровне признавать публично факт использования негласной помощи граждан (а порой фактически и преступников) в борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями, ограничиваясь регулированием этой сложной профессиональной деятельности на уровне ведомственных нормативных актов с грифами «секретно» и «совершенно секретно». Как следствие, отсутствие законодательной основы организации оперативно-розыскной деятельности в этом направлении практически исключало возможность обеспечения действенной официальной правовой защиты негласного сотрудника в случае совершения им преступления в период его пребывания в преступной среде по специальному заданию.

Ситуация стала меняться с переходом к демократическому правовому государству, когда деятельность правоохранительных органов стала приобретать открытое правовое регулирование. Первым принципиально значимым шагом в этом направлении стало принятие в 1992 году Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором Законодатель без всяких грифов закрытости закрепил положение, разрешающее должностным лицам специальных подразделений принимать личное участие в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также использовать в этих же целях помощь отдельных граждан, в том числе за денежное вознаграждение на негласной (конфиденциальной) основе. Этим же законом в числе других видов было разрешено проведение и такого сложного в правовом и тактическом отношении оперативно-розыскного мероприятия, как легендарное «внедрение сотрудников в организованные преступные группы и криминогенные объекты» [1].

Однако, такое правовое новшество в сфере борьбы государства с преступностью, в принципе, как и другие законодательные нововведения того времени, в нашей стране ввиду их недостаточной правовой проработанности и новизны требовали дальнейшего совершенствования их содержания реалиям практики применения. Такая ситуация была и с правовым регулированием оперативно-розыскной деятельности.

Так, уже в 1999, а затем в 2015 годах с учетом изменяющихся обстоятельств были приняты новые редакции Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В Законе «Об ОРД» 1999 г. впервые на законодательном уровне, но пока что вне рамок уголовного закона, было закреплено положение о том, что

для защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам личности или государства должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга. Сделав значительный позитивный шаг вперед, тем не менее законодатель, как представляется, проявил очевидную нерешительность в объективном определении правовых границ уголовно-правовой защиты причинителя вреда в условиях выполнения им специального задания, указав при этом, что причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Подобное условие соответствовало положениям института крайней необходимости в рамках статьи 14 Уголовного кодекса БССР 1960 г. [2].

Следовательно, на первоначальных этапах формирования самостоятельного института правовой защищенности лица, совершившего преступление в условиях вынужденного соучастия при выполнении специального задания, предполагалось, что подобные ситуации подлежали разрешению с применением не специальной нормы уголовного права, а на основе ранее действовавшего института уголовного права (статья 14 Уголовного кодекса – Крайняя необходимость), включенного в систему норм уголовного права еще в 1958 г. Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [3].

Рассматриваемым Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (1999 г.) компетентным органам было предоставлено право на проведение такого сложного в организационно-тактическом и правовом отношении специального мероприятия, как оперативное внедрение, содержание которого законодатель определил как «проникновение в преступное формирование сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или лица, оказывающего ему содействие на конфиденциальной основе, для решения задач оперативно-розыскной деятельности» [4].

Таким образом, в данном случае речь идет о комплексном оперативно-розыском мероприятии, обеспечивающим внедрение представителей правоохранительных органов в среду преступников с целью их разоблачения и пресечения готовящихся или совершаемых преступлений [5, с. 37].

Практика борьбы с преступностью свидетельствует, что применяемые, прежде всего, органами внутренних дел обычные средства и методы, нередко оказываются недостаточно эффективными, особенно в тех случаях, когда преступники строго контролируют свое внешнее поведение, тщательно скрывают причастность к преступлениям, уничтожают возникающие при этом следы и материальные улики.

В таких ситуациях едва ли не единственным путем получения необходимой информации является установление с лицами, причастными к преступлениям или имеющими по данным событиям какие-либо сведения, доверительных отношений. Эту объективно необходимую и весьма сложную в профессиональном отношении задачу могут выполнить как сами непосредственно оперативные работники соответствующих подразделений, так и по их поручению граждане, располагающие соответствующими возможностями. Поскольку внедрение штатных оперативных работников в среду преступников в массовом порядке невозможно из-за трудностей, связанных с обеспечением конспирации, поэтому для этой цели используется помощь граждан.

Не секрет, чтобы такие лица могли результативно выполнять поставленные перед ними задачи (получение информации о планах и замыслах преступной структуры, способах и средствах их реализации и др.) прежде всего, необходим достаточный уровень доверия со стороны преступного окружения. Именно названное обстоятельство чаще всего и создавало предпосылки для вынужденной включенности негласного сотрудника в определенный объем преступной деятельности или в состояние вынужденной имитации таковой. В противном случае отказ от соучастия создаёт для внедренного лица реальную угрозу расшифровки его подлинного статуса в преступной среде со всеми вытекающими из этого негативными последствиями: провал проводимой операции и возникновение реальной угрозы безопасности жизни негласного сотрудника.

Бесспорно, что в разрешении подобных исключительно опасных ситуаций существенная роль отводится наличию нормативной базы правового регулирования вопросов законодательной защищенности от уголовного преследования в допустимых пределах негласного сотрудника. Роль такого правового буфера и признана выполнить, по мнению разработчиков уголовного закона, статья 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая определяет, что *«не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление»* [6].

Подобные ситуации некоторыми учеными определяется понятием «мнимое соучастие» [7, с. 19].

Социальная и правовая сущность этого обстоятельства, исключаяющего преступность деяния, заключается в том, что государство, таким образом, закрепляет в уголовно-правовой норме, а, соответственно, с позиции позитивного (общественно полезного) отношения оставляет за собой право не признавать преступлением вынужденное общественно опасное поведение (действие) негласного сотрудника, содержащее в себе признаки конкретного преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного

кодекса. Вместе с тем, руководствуясь в реализации государственной политики в области борьбы с преступностью приматом высших социальных ценностей, каковыми являются, прежде всего, жизнь и здоровье человека, государство установило границы дозволенного вынужденного общественно опасного поведения, которые получили свое четкое законодательное закрепление во второй части статьи 38 Уголовного кодекса: «правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека».

Таким образом, появление в современном Уголовном кодексе в рамках шестой главы под названием «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» такого уголовно-правового института, как «пробывание среди соучастников преступления по специальному заданию» явилось логическим продолжением процесса, направленного на достижение завершенности нормативного регулирования деятельности правоохранительных органов, в том числе и в области проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Существование подобного института объективно необходимо. Поскольку реальность такова, что в борьбе с некоторыми видами преступлений, особенно в их организованных формах, внедрение в преступную среду оперативных сотрудников или лиц, конфиденциально содействующих правоохранительным органам, выступает неотъемлемым элементом такого противостояния. Совершенно очевидно и то, что в современных условиях такого рода внедрение объективно может сопровождаться не только информированием названными лицами соответствующих органов о преступной деятельности, но и в условиях вынужденным непосредственным участием в их совершении.

Тем более, не подлежит сомнению тот факт, что недопустимо бороться с преступлениями нарушением уголовного закона, включая процедуру его применения. С этой точки зрения ясно, что одной статьи Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», оговаривающей лишь возможность «допущение вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам» явно было бы недостаточно, поскольку в ней отсутствуют точные указания на субъектов причинения вреда, объем общественно опасных последствий, превышение которого выходит за пределы разумно-обоснованной допустимости, на содержание ситуаций, при которых он оправдан, т.е. не обозначены признаки, относящиеся исключительно к сфере правового регулирования только в рамках уголовного законодательства. Именно положения статьи 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь предают логическую завершенность правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности в части применения оперативного внедрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 2 ноября 1992 г. // Эталон –Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь. Принят четвертой сессией Верховного Совета Республики Беларусь пятого созыва 29 декабря 1960 года (СЗ БССР, 1961 г.) // Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksby/uk/>. Дата Доступа: 19.09.2020.
3. Закон СССР от 25.12.1958 г. Об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/>. Дата доступа: 19.09.2020.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-3 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь.–Минск, 2020.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
6. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий / Под общ. ред. И. Н. Зубова.–М.: Спарк, 1999. – 178 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
8. Савинский, А.А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключаящее преступность деяния / А.А. Савинский // Законность-2015. – N 10. – С. 19–21.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. /Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: НЦПИ Респ. Беларусь, 2019. – 1000с.
10. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т.1: Учение о преступлении/С.В. Ананич [и др.]; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – 2 – е изд., доп. и испр. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 860 с.